

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	11
Прелюдия	
Запечатанный конверт	14

Книга I

СЛИШКОМ ЧЕРНАЯ ДЛЯ БЕЛЫХ, СЛИШКОМ БЕЛАЯ ДЛЯ ЧЕРНЫХ

1898–1908

Глава 1. Черные	
1898–1900.....	25
Глава 2. Белые	
1903–1904	63
Глава 3. Это божественное приключение	
1904–1905	99
Глава 4. Дворец из белого мрамора	
1905–1908	135

Книга II

ОНА ПРОГЛОТИЛА СОЛНЦЕ

1908–1910

Глава 5. Сделка века	
1908–1909.....	203

Глава 6. Желанный мой	
Январь 1909 — август 1910	265
Глава 7. Как захватывающе!	
Август — сентябрь 1910.....	314

Книга III

ПОД ПОКРОВОМ МОЕЙ ДУШИ

1910–1924

Глава 8. В день, когда я тебя покинула и уехала в Лондон	
Октябрь 1910 — август 1911	369
Глава 9. Живи и дай жить другим	
Август 1911 — март 1913.....	427
Глава 10. Мои сердце и жизнь разбиты	
Апрель 1913 — январь 1914.....	486
Глава 11. Искушения	
Январь 1914 — февраль 1924	533

Эпилог

ЧЕРНАЯ ШЛЮХА МОРГАНА

Что с ними стало	611
Приложения.....	632
Библиография.....	636
Благодарности.....	642

Позволь мне рассказать тебе один секрет, любовь моя. Если ты меня не разлюбишь, ты поймешь, что любишь меня несмотря на то, что я делаю, и несмотря на то, что я говорю, и несмотря на то, что я думаю.

*Письмо Белль да Коста Грин ее возлюбленному
Бернарду Беренсону, знатоку искусства
и крупному искусствоведу,
апрель 1909 года*

Что создает трудности со мной? Мое любопытство. Неутолимое, непреодолимое — чтобы не сказать совершенно безумное — желание узнать все. Узнать мир, я хочу сказать — весь мир. Узнать людей, всех людей. Узнать все чувства. Узнать все виды человеческих отношений, и божественные, и адские.

*Письмо Белль да Коста Грин Бернарду Беренсону,
июль 1910 года*

Я пишу в своем дневнике то, что не решаюсь произнести вслух, — неподобающие, ужасные, возмутительные вещи, которые меня забавляют. Потому что во всем, что я делаю, во всем, что я думаю, всегда таится улыбочка.

*Письмо Белль да Коста Грин Бернарду Беренсону,
июль 1910 года*

В меня с размаху врезалось блуждающее светило... Понятия не имею, какого цвета было это падающее солнце. Черное солнце? Пурпурное солнце? Или, как мне показалось, ослепительно золотое солнце? Как бы там ни было, чудо, что я все еще жив после этой встречи.

*Письмо Бернарда Беренсона его другу Нейту Хэнгуду,
лето 1911 года*

К ЧИТАТЕЛЮ

Читателю известно, что в течение двух с половиной веков существования рабства в Соединенных Штатах хозяева часто соблазняли или насиловали рабынь. Рожденные этими женщинами дети-метисы оставались невольниками.

В результате такого смешения, повторявшегося не менее чем в восьми поколениях, достаточно большая доля рабов имели европеоидные черты, прямые волосы и светлую кожу. К тому времени, как в 1865 году закон дал им свободу, внешне они ничем — или почти ничем — не отличались от своих белых хозяев.

После гражданской войны, окончившейся в том же 1865 году, бывшие рабы стали постепенно получать равные с прочими гражданами права, включая избирательное.

Однако двенадцать лет спустя они лишились этих возможностей — вплоть до принятия Закона о гражданских правах (Civil Rights Acts) в 1964 году. Во всех переписях население делилось на две группы: «белые» и «цветные» (white or colored). Метисов обязали признавать себя

темнокожими по «правилу одной капли крови», прямо утверждавшему, что даже единственного африканского предка достаточно для того, чтобы потомство считалось «цветным».

В этот период XX века, когда сегрегация и преследования темнокожих были особенно жестокими, метисы, которых можно было принять за белых, испытывали искушение нарушить закон, перейти на нелегальное положение и, рискуя жизнью, преодолеть расовый барьер.

Для этого — выдать себя за белого, когда юридически ты «черный», — существовало название, которое по ту сторону Атлантического океана не надо было никому объяснять: *The Passing* — буквально «переход».

Читатель, пожелавший больше узнать об истории «перехода», о происхождении семьи Белль да Коста Грин и о тысяче персонажей ее легендарного окружения, состоявшего из миллиардеров, эрудитов и коллекционеров, найдет в конце этой книги маленький глоссарий библиофила и краткий список литературы.

Стоит ли подчеркивать, что термины, описывающие афроамериканцев, не принадлежат мне — они взяты из исторических документов. И невозможно их смягчить, сделать менее грубыми, когда речь идет о той чудовищной действительности.

Все эпизоды книги опираются на реальные факты. И все ее персонажи действительно существовали.

Хотя интонация и приемы романа представлялись мне единственно возможными для рассказа о бесчисленных приключениях Белль, я старалась придерживаться дат и известных мне фактов. Читатель может не сомневаться, что даже самые романтические сцены и самые анекдотические происшествия почерпнуты в итальянских, английских и американских архивах и все перипетии можно проследить документально.

А. Л.

Прелюдия ЗАПЕЧАТАННЫЙ КОНВЕРТ

Лондон, 1943.
Научно-исследовательская лаборатория
Института искусства Курто

Конец августа 1943 года. Профессор Дэн Томпсон, руководящий исследованиями техники живописи старых мастеров и реставрации фресок, стоит сгорбившись у своего письменного стола. Только что пришло печальное известие. Умер один из американцев, которых он опекал в Лондоне, молодой летчик с английской базы военно-воздушных сил армии США. Он не погиб при выполнении боевого задания, а пустил себе пулю в голову. Это случилось третьего августа. Роберт Маккензи Леверидж, или Бобби Леверидж, как все его называли. Двадцать четыре года. Один из самых обаятельных молодых людей, каких Дэну когда-либо доводилось встречать. Племянник и приемный сын, обожаемое дитя его коллеги и очень близкой подруги — блистательной Белль да Коста Грин, директора нью-йоркской Библиотеки Моргана.

В июне, когда Бобби в последний раз приезжал в отпуск, он, как всегда, остановился у Дэна, побывал у него в Институте Курто. Когда пришло время возвращаться на базу, уже на крыльце Бобби внезапно обернулся, вытащил из кармана конверт и протянул ему. «Я хотел бы, чтобы это хранилось у вас». Дэн удивленно и почтительно принял письмо и, думая, что это завешание Бобби на случай, если его самолет собьют, ответил: «Я положу его в сейф». «Нет, — ответил Бобби, — лучше прочтите сразу». Сказав это, он сбежал по ступенькам и быстро ушел.

Дэн, хотя и не был человеком сентиментальным, долго смотрел, как высокая фигура Бобби исчезает за деревьями Портман-сквера. Светлые волосы под форменной фуражкой, крупные, бледные до прозрачности руки — облик поэта или героя. Воплощение молодости, красоты и отваги.

Несколько взволнованный мыслями о боях, ожидавших этого юношу, он покрутил в руках конверт. Без марки, зато с пометкой инспектора. Значит, письмо вскрывала английская цензура, которая проверяла письма из Америки. Адреса не было, только имя получателя, выведенное округлым, очень женственным почерком: «Лейтенанту Роберту М. Левериджу, просьба передать через миссис Стивенс».

Дэну показалось бестактным прочесть адресованное не ему письмо от женщины, он не решился его распечатать и, как и намеревался, убрал конверт в сейф.

А теперь Бобби нет.

«Погиб от пулевого ранения, которое сам себе нанес в момент невменяемости» — так изъяснялось военное министерство.

Что могло довести этого юношу, настолько далекого от всякого помешательства — напротив, очень разумного и совершенно здорового! — до того, чтобы пустить себе пулю в лоб?

Непостижимое самоубийство.

Подумать только, Дэн видел его два месяца назад и ничего не понял, не заметил его расстройста.

Правда, был этот случай с письмом, которое Бобби ему доверил и попросил *сразу же* прочитать.

Мог ли он, если бы сделал это, предотвратить трагедию?

Дэн Томпсон тяжелым шагом направляется к сейфу в своей лаборатории. Достает оттуда письмо, возвращается к письменному столу, садится, надевает очки, разворачивает лежавшие в конверте четыре листка. Они исписаны с обеих сторон. Восемь страниц. Даты нет, но сверху помечено: *995, Мэдисон-авеню*.

«*Darling**, почти невозможно писать тебе без всех тех глупостей, что означают “я люблю тебя”...»

Письмо явно от женщины. И это любовное письмо. Вероятно, последнее письмо от невесты Бобби, некой Нины, в которую он был безумно влюблен.

* Дорогой (англ.).

По мере чтения Дэн начинает испытывать легкое раздражение. Нежные слова барышни кажутся ему глупыми, мысли — путанными. Но ее жеманство еще цветочки по сравнению с тем, что написано дальше. Несколько фраз Дэну приходится перечитать — в голове не укладывается.

Уму непостижимо, *что* эта невеста, называющая себя *clean white girl* — чистойшей крови белой девушкой, — *что* эта женщина пишет мужчине, *что* она пишет солдату на фронт.

...Она говорит ему, что с тех пор, как сама в прошлом году узнала «нечто», выясненное ее отцом в результате небольшого расследования, «нечто», с чем невозможно жить, она видит, что у них больше нет будущего.

Но она своих обещаний не нарушает и все же выйдет за него при условии, что его кастрируют.

Еще она, после множества заверений в любви, пишет, что ему придется пройти через это, даже если она не станет его женой. «Ты ведь осознаешь это, милый?»

Дэну становится тошно.

Кроме того, она говорит, что не вынесет, если из-за него будет бездетной, не смирится с тем, что не станет матерью. А следовательно, ему придется дать согласие на то, чтобы она прибегла к анонимному донорству.

Она упирает на то, что боится, как бы Бобби не стал плохо обращаться с детьми, рожденными не от него... А потому требует, чтобы он прямо сейчас обязался любить их как своих.

Она прибавляет, что сама мысль о том, чтобы жить «на деньги черной шлюхи банкира Джона Пирпонта Моргана» — Белль да Коста Грин, приемной матери Бобби, которую он глубоко почитает и с которой дружит Дэн, — ей настолько омерзительна, что все подарки, полученные от Бобби, кажутся ей грязными. А перспектива встреч с этой особой так сильно ее шокирует, что она и помыслить не осмеливается об ожидающей ее непристойной близости в случае, если Бобби придется и впредь встречаться с Белль.

Дэн заставляет себя читать дальше, несмотря на омерзение и гнев.

Девушка утверждает, будто сознает, насколько Бобби привязан к своей тетушке, но просит его разорвать отношения, чтобы ее детям никогда не приходилось слышать замечания, которые ей самой каждый день приходится терпеть в приличном обществе. А там рассказывают, что знаменитая директриса Библиотеки Моргана может сколько угодно выглядеть белой в глазах простаков, но, несмотря на приписанную себе благородную фамилию да Коста и уверения, будто принадлежит к роду португальских аристократов — отчего у нее темные волосы и смуглая кожа, — она самая настоящая грязная негритянка.

Невеста Бобби подчеркивает, что слухи исходят из нескольких верных источников.

И, наконец, она умоляет Бобби поскорее ответить на письмо ее папочки, потому что *Daddy** воспринимает

* Папочка (англ.).

его молчание как проявление заносчивости и полное отсутствие моральной ответственности, а по мнению *Daddy*, и то и другое типично для черной расы, к которой принадлежит Бобби.

Дэн снимает очки.

Так, значит, вот какое это «нечто», вот о чем Бобби до прошлого года не знал и о чем эта дрянь ему сообщила, когда он в последний раз приезжал в отпуск в Нью-Йорк.

Несмотря на светлые волосы, голубые глаза и белую кожу, Роберт М. Леверидж был черным.

А с этим в Соединенных Штатах не шутят. По закону достаточно одного-единственного африканского предка — неважно, жившего много поколений назад или недавно породнившегося с семьей, — чтобы все его потомки считались черными и должны были себя таковыми признавать. Капля, всего капля черной крови в венах делает весь род навеки «негритянским». Таково беспощадное *One-Drop Rule*, «правило одной капли», с сопровождающими его сегрегацией, дискриминацией и расовыми притеснениями.

Дэн Томпсон мгновенно понял, насколько сильно был потрясен, узнав о своем афроамериканском происхождении, этот юноша, который рос среди богачей с Парк-авеню, учился в Гарварде и обладал всеми привычками и предрассудками его касты... И к какому личностному кризису это могло привести.

Осознал Дэн и последствия подобного открытия для армейской карьеры Бобби. Если бы американское командование узнало, что лейтенант Леверидж — цветной, его разлучили бы с товарищами, выгнали из полка и отправили сражаться в черном подразделении.

Попросив Дэна *сразу же* прочитать это омерзительное письмо, Бобби хотел поделиться трагедией, разрушившей его жизнь.

Дэн не сумел разглядеть в этом проявление доверия.

И что ему делать теперь?

Дэн Томпсон будет размышлять несколько дней... Сжечь письмо? Как он посмеет это сделать? Документ, который Бобби доверил ему меньше чем за два месяца до того, как свел счеты с жизнью, объясняет его смерть. Своего рода завещание. Уничтожить его — немыслимо.

Передать это письмо Белль, приемной матери Бобби и подруге Дэна, которая сейчас изводит себя вопросами о причинах самоубийства любимого племянника? У несчастной женщины и так уже случился сердечный приступ, когда она получила страшную новость. Чтение этой мерзости не утешит ее, а добьет.

И потом, незачем добавлять к горю еще и оскорбление... Ведь его дорогая Белль всегда хранила молчание и хотела запутать следы, все следы, ведущие к ее прошлому. Невозможно подвергнуть подругу такому

унижению, дать ей письмо, в котором ее называют «черной шлюхой Моргана».

Она не должна узнать, что ему стала известна тайна ее происхождения. Это разрушило бы их дружбу. Вынесет ли она, что он узнал то, чего она никогда и никому, даже своему племяннику, не захотела открыть?

И тем самым взяла на себя огромную ответственность за то, что Бобби узнал правду от этой тупой расистской гиены.

Дэн долго тянет и в конце концов решает ничего не делать. Вернее, обратиться к своему нотариусу, чтобы тот сохранил его завещание:

«Я хочу, чтобы с документом, который находится в этом конверте, ознакомилась только моя дорогая подруга Белль да Коста Грин.

Поскольку я категорически не желаю, чтобы о конверте стало известно кому-либо, кроме нее, исполнители моего завещания должны принять все меры для того, чтобы этот конверт — с сургучными печатями, которые я на него наложу, — был передан мисс Грин лично в руки.

Если мисс Грин к этому времени скончается или по какой-либо причине будет не в состоянии получить этот конверт, я прошу не передавать его ни ее душеприказчикам, ни ее опекунам, ни ее представителям.

Его следует уничтожить.

Я официально заявляю, что содержимое этого конверта принадлежит лично мне и не имеет никакой ценности для моих наследников.

Составлено в Лондоне 9 января 1944 года».

Дэн Томпсон берет большой конверт с логотипом Института искусства Курто и вкладывает в него письмо, которое отдал ему Бобби.

Ставит две сургучные печати. И для большей надежности указывает на обороте: «Это письмо может быть открыто лишь *после моей смерти* и *только* рукой

*Мисс Белль да Коста Грин,
США, штат Нью-Йорк,
Нью-Йорк, Восточная 36-я улица, 33».*

Однако, перед тем как капнуть в двух местах горячим сургучом и оттиснуть на нем печать Института Курто, он добавляет записку от себя.

*«Дорогая Белль,
содержимое этого конверта привело к гибели благородного
мальчика. Говорить, что он покончил жизнь самоубий-
ством, — несправедливо. Его убило это письмо».*

Дэн запирает все это в своем сейфе. Чтобы сохранить тайну — как он думает, навсегда.

Книга I

СЛИШКОМ ЧЕРНАЯ
ДЛЯ БЕЛЫХ, СЛИШКОМ
БЕЛАЯ ДЛЯ ЧЕРНЫХ

1898–1908

Глава 1

ЧЕРНЫЕ

1898–1900

Джорджтаун,
черный квартал Вашингтона, июнь 1898 года

Вот уже которую неделю грозная Гермiona Флит, старейшина черного квартала Вашингтона, не знала ни сна ни покоя. Она поворачивалась с боку на бок и никак не могла устроиться, очень уж болели все кости. Да и этот странный влажный июнь вконец ее замучил. А ведь до тех пор Гермiona стойко держалась, не поддаваясь старческой немощи. Конечно, она уменьшилась в росте и усохла, но была по-прежнему неутомима и продолжала заниматься устройством свадеб, пикников и благотворительных балов в своем приходе. Не зря же священник прозвал ее Железной Мадонной.

Но и это осталось в прошлом.

Поблекшими из-за катаракты голубыми глазами она искала среди цветочков на обоях портрет покойного мужа. Большую фотографию во весь рост в овальной

раме, рядом с дипломом, выданным доктору Джеймсу Флиту, в рамке под стеклом. Но она ничего не видела и, лежа на боку, могла только представлять себе фигуру, так давно смотревшую на нее со стены. Всей душой она молила мужа вмешаться, взывала к нему о помощи.

Сегодня ночью Гермione не удавалось даже сформулировать проблему отчетливо: стоило только подумать об этом, и со страхом уже не совладать. А ведь ей было не привыкать к тревоге из-за того, что вытворяли ее дети!

Доктор, несомненно, знал у себя на небесах, что задумала их дочь Женевьева. Слухи не могли не дойти до него.

Говорили, что Женевьева в Нью-Йорке снимала квартиру у хозяев, которые не были черными.

Больше того — поселилась в квартале, где и ее соседки — продавщицы, швеи, прачки — тоже не были черными.

И настолько ладила с новыми подругами, что только с ними теперь и зналась.

С белыми.

Еще говорили, что Женевьева никому не рассказывала, откуда она родом, на каких улицах, в каком квартале Вашингтона выросла. Но как ее соседкам этого не знать? Женевьева была замужем за одним из самых известных в стране черных активистов. Да, он ее бросил. Да, ей теперь незачем упоминать о нем и даже о самом его существовании.

Но чтобы переметнуться на другую сторону и предать свою расу!

Вот в чем все дело. Старуха добралась до сути того, что не давало ей покоя.

Да, Женестьева выглядела как белая. И что с того? Внешность обманчива, только сами белые и попадают на эту удочку. Они не знают черной общины, не понимают ее, не различают нюансов. Никто из цветных, взглянув на Женестьеву, не ошибся бы насчет ее происхождения.

По правде сказать, смешение рас продолжалось в стольких поколениях семьи Флит, что у многих ее членов были светлая кожа и «европеоидные» черты лица. Если один из четырех сыновей Гермiony и вышел черным, то обе дочери — миниатюрные, с золотистыми волосами, зелеными глазами, тонким носом — в точности отвечали распространенным у белых канонам красоты. Как и их мать.

Старая Гермiony в девичестве звалась Гермiony Питерс и принадлежала к большой семье музыкантов-мулатов, обосновавшейся в Вашингтоне в XVIII веке. Ее дед, раб, отпущенный на волю в 1797 году, выкупил у бывшего хозяина своих жену и пятерых детей.

Доктор Флит, тоже мулат, получил медицинское образование благодаря Американскому колониционному обществу — организации, основанной белыми с целью вернуть в Африку всех черных, поскольку считалось, что они никогда не смогут прижиться в цивилизованном

обществе. Темнокожих врачей готовили к работе в американской колонии Либерия в Западной Африке. Общество оплатило обучение троим врачам... и все трое отказались покидать США. Муж Гермiony был одним из них.

Доктор Флит лечил черных почти тридцать лет. Он тоже был музыкантом — не только врачом. Дирижировал гимнами во время церковной службы, а на благотворительных балах аккомпанировал жене на скрипке. Сама Гермiona играла на фортепиано. Страсть к классической музыке объединяла их, даже своим трем сыновьям они дали имена Моцарт, Беллини и Мендельсон.

Теперь Моцарт был владельцем типографии, Беллини — учителем. Мендельсон умер в юности, не успев найти свое место в жизни. Их сестры, Женевьева и Медора, пошли по стопам матери, стали преподавать музыку в начальных классах. Женевьева не только была чудесной музыканткой, но и страстно любила литературу.

Словом, в своей общине Флиты принадлежали к самой образованной части буржуазии. В глазах друзей они даже воплощали собой «черную элиту Вашингтона». И вот парадокс: с виду их можно было принять за белых.

Теперь, на закате долгой жизни, в течение которой благодаря Гермione все ее многочисленное семейство — шесть братьев с женами, шестеро детей с супругами, тридцать племянников и двадцать внуков — оставалось сплоченным, объединенным общими привычками, традициями и верованиями, она вынуждена была наблюдать, как перед ее любимыми людьми разверзается пропасть.

Одной из причин катастрофы, которую она предчувствовала, было отступничество этого эгоистичного и безответственного чудовища — ее зятя. Знаменитого профессора Ричарда Теодора Гринера, мужа Женеьевы. Сущее наказание с первого дня.

Рик Гринер мог сколько угодно считаться самым умным из черных адвокатов своего поколения, самым блестящим черным оратором, самым энергичным и, вероятно, самым успешным из черных активистов, но в конечном счете это он погубил счастье всех близких. Бич Божий.

Конечно, Гермiona понимала дочь, которая так верно и пылко любила мужа и так долго его поддерживала, невзирая ни на что. Все, что Гринер говорил в защиту своего народа, все, что Гринер делал для просвещения собратьев и для того, чтобы привести их к свободе, не могло не восхищать. Ее и саму пленили красноречие и энергия Рика. Он обладал таким даром убеждения! И обаянием, позволявшим ему входить в любые двери и взбираться на самые недоступные вершины.

Чем он прославился? Неслыханными вещами! Он был первым черным выпускником Гарварда. Первым черным штатным преподавателем на кафедре философии в Южном университете. Первым и до сих пор единственным черным, добившимся того, чтобы Верховный суд штата Южная Каролина подтвердил его диплом адвоката и право на практику.

А ведь он, видит Бог, прошел огромный путь! Внук пары беглецов — раба, родившегося в Африке, и мулатки, — которым удалось перебраться на север и поселиться в Балтиморе. У него не было ничего, чтобы возвыситься в этом мире. С одиннадцати лет ему пришлось работать, чтобы прокормить мать. *Ничего*, кроме гордости уличного мальчишки и кулаков. Ничего за душой, кроме невероятной жажды знаний, любопытства к миру, работоспособности, упорства, красноречия и притягательности. Разве не нашел он себе белых покровителей, которые оплатили его учебу в колледже? А потом — других белых меценатов, которые везде поддерживали его кандидатуру.

Старая Гермiona и не отрицала его заслуг. Одной лишь силой воли Рик Гринер поправил все законы судьбы и получил невероятную должность, в которую вскоре вступит: станет первым консулом афроамериканского происхождения. Он только что получил назначение в Россию. Да-да, Гермiona не отрицала выдающегося ума своего зятя.

И все же она отказывалась признать несправедливым свое отношение к нему на протяжении многих лет. А тем более — вопиюще несправедливым. Не в обиду клану Флитов будь сказано: Ричард Теодор Гринер принадлежал к числу выдающихся людей, которые сражаются за честь человечества. Его вера в будущее цветных братьев, пыл, с которым он защищал их и делился с ними знаниями, в моральном отношении ставили его намного

выше большинства простых смертных. Он все принес в жертву своей битве за равенство и справедливость.

И тем не менее, кипятилась Гермиона, в личном плане он — ничтожество. Доказательством она считала то, что он бросил ее дочь и пятерых детей после двадцати пяти лет брака. На самом деле супружеские проблемы Женеьевы начались не вчера, и брошена она была давно. По правде говоря, все началось, едва они поженились. Гермиона помнила дату: 24 сентября 1874 года. Через год после того, как она сама овдовела.

Покойный Джеймс Флит познакомился с Риком, когда тот ухаживал за их дочерью, и понял, с фанатиком какого рода имеет дело. Пусть этот молодой человек с гарвардским дипломом, казалось, полностью гарантировал лучезарное будущее, доктору он не нравился. Кто его родители? Из какого он прихода, из какой общины? Озадаченный доктор отказал ему в руке Женеьевы.

Старый Флит был слишком консервативен. После его кончины Гермиона уступила настойчивости влюбленных. Это было ошибкой. Но кто тогда мог оценить, насколько крупной?

Женеьева, при всей ее мягкости и сговорчивости — на редкость легкий характер, — была упорной. И знала, чего хочет. Под внешней покорностью скрывалась сильная женщина. Больше года она ждала своего часа, убеждая мать дать согласие, и добилась своего.

Гермиона узнавала в дочери собственное упрямство и ту веселость и любовь к жизни, которые позволяли при

любых обстоятельствах не сбиться с курса. Она знала, что дочь выстоит в худших невзгодах. О да, она могла похвастаться тем, что хорошо воспитала свою девочку! Привила ей вежливость, манеры, умение прекрасно выглядеть. И способность держать удар.

И потом, Женестьева была так влюблена...

Надо признать, что в то время он всем был хорош. Высокий, стройный, элегантный, с приобретенной в Гарварде аристократической учтивостью, обладавший чертами, с которыми он тоже мог сойти за белого, — Рик выделялся в любой толпе.

Не говоря уж о том, что таким образованием, как у него, могли похвастаться в Соединенных Штатах очень немногие цветные мужчины!

Все это казалось таким далеким!

Далеким, как те двенадцать лет после войны Севера и Юга, когда белые решили провести опыт интеграции, уравнивали цветных мужчин с остальными гражданами и дали им право голоса. Двенадцать лет с начала полного надежд времени, периода Реконструкции, — до отвратительных «законов Джима Кроу» 1877 года со всеми сопровождавшими их мерзостями. Черным было запрещено ездить теми же поездами, что и белым, пить из тех же источников, пользоваться теми же уборными, посещать те же общественные места, рестораны, театры и, разумеется, те же университеты.

На Юге вновь утвердившаяся власть консерваторов утвердила это возвращение в ад. А Север бездействовал,

ссылаясь на то, что такой ценой достигнуты единство страны и национальное примирение. Поправка к Конституции Соединенных Штатов, которая в 1870 году гарантировала право голоса всем гражданам мужского пола, без расовых различий, была через некоторое время просто-напросто отменена Верховным судом. Тогда же в Вашингтоне Конгресс отказался проголосовать за законы против линчевания. И не без основания! Выборы 1877 года, проходившие в условиях насилия и коррупции, привели к власти южан-реакционеров.

Так что завоевания Рика Гринера, его победы над невежеством и нищетой резко прервались. И даже обернулись кошмаром — так быстро, что ему пришлось одну за другой покинуть свои университетские должности. Ему переставали платить. У него забирали учеников. Его унижали. Ему угрожали. И пытали черных студентов, которые остались ему верны. Неудивительно, что он так яростно ринулся в политическую борьбу за то, чтобы удержать немногие преимущества, обретенные в час торжества либералов! Даже для Гермiony Флит, которая мирно жила в лоне своего прихода и не испытывала ни малейшей потребности покидать черную общину Вашингтона, законы, за которые голосовали здесь политики, были позорными... Как не восстать вместе с зятем против сегрегации, дискриминации и расовых притеснений, когда северные штаты, якобы одобрявшие эмансипацию черных, не моргнув глазом все это приняли? «Разделены, но равны!» — говорили они. Какое лицемерие!

Однако совсем другое дело — носиться по всей стране с одного митинга на другой и говорить о просвещении черных, бросая жену и пятерых детей без защиты, без пропитания и без средств! Да уж, Рик умел бесноваться на трибунах в Дейтоне, Балтиморе, Бостоне, днем и ночью строчить статьи о гражданских правах и горячо отстаивать равенство. Но что касается образования его собственного сына или приличного вида его дочерей — для этого, по мнению Гермiony, он не делал ровным счетом ничего. Сколько недель подряд он провел с семьей? Три? Его никогда не было дома. Наверное, иногда приезжал на Рождество. Может быть, на День благодарения... И как бы они, спрашивается, выжили, если бы за спиной Женевьевы не стоял весь клан Флитов, если бы у нее не было возможности долгое время жить в квартале 1400 на Т-стрит, в соседнем с матерью доме, если бы она не работала до седьмого пота, чтобы прокормить пятерых детей, — то шитье, то уроки музыки? И как будут выживать в Нью-Йорке теперь, когда глава семьи — новоиспеченный назначенный консул с хорошим окладом, готовый устремиться без них во Владивосток, к новым приключениям, — говорит, что не намерен содержать своих отпрысков после их восемнадцатилетия? Мог бы и обойтись без таких заявлений. На самом деле четверо из его детей уже достигли этого возраста, так что на попечении Рика только младшая дочь. Но, как бы там ни было, он не собирался никому посылать ни гроша. Зачем изменять хорошим привычкам? Он уже около

четверти века постоянно тратил свои доходы на любовниц. Или делился с товарищами по борьбе.

Ни малейшего сомнения: теща его ненавидела. Ее он тоже разочаровал.

И теперь, когда муж вскоре должен был отправиться на край света, Женевьева сообщает, что завтра будет здесь. При других обстоятельствах старуха обрадовалась бы приезду дочери, но только не сегодня вечером. Нельзя было не догадаться, зачем Женевьева едет к матери.

Гермиона готовилась к встрече с ней, как к битве. Но в девяносто лет, когда смерть хватает за руки и за ноги, где взять силы сломить волю дочери и помешать ей совершить предательство?

•

Все вышло именно так, как представляла себе Гермиона. Женевьева приехала поездом, без детей... Точно не из-за денег — Моцарт заплатил бы за племянников: у них, в клане Флитов, самый богатый брал на себя расходы самых бедных. Они никогда не жили поодиночке, а если путешествовали, то всей толпой. Разве что дело было срочным и слишком серьезным для того, чтобы кого бы то ни было в это вмешивать.

Женевьева сразу поднялась к ней поздороваться. Гермионе, уже не очень ясно различавшей черты собеседников, она показалась не такой красивой, какой была

в воспоминаниях. О чем старуха тут же сказала. Это был рефлекс. Она могла держаться нежно с внуками, но дочерей неизменно критиковала. «Женевьева, детка, втяни живот и выпрямись, не то станешь такой же уродиной, как кошмарная тетя Лили!» В семье этот вечный мотив давно превратили в шутку.

На самом деле, если бы Гермiona была справедлива к госте, она заметила бы, насколько молодо выглядит Женевьева. Безупречный овал лица, гладкие золотистые волосы, собранные в низкий узел, темный костюм, в котором она казалась еще стройнее. Искусная портниха — что не раз ее выручало, — она могла позволить себе носить корсет, жакет с баской, длинную прямую юбку и шляпку, изготовленную собственноручно. Несмотря на несколько беременностей и множество невзгод, она была неизменно элегантной. Моцарта, встречавшего ее на вокзале, поразила внешность сестры. Пятидесятилетней Женевьеве — Джини для близких — можно было дать лет на пятнадцать меньше.

Не изменяя хорошей привычке, Женевьева не стала с порога делиться терзаниями и сомнениями, которые ее сюда привели. Обеим женщинам потребовалось несколько дней, чтобы решиться заговорить. Гермiona начала первой. Пора было покончить с колебаниями. Каждая из них знала, чего хочет добиться от другой. Женевьева старалась вырвать у матери согласие, в котором морально нуждалась, чтобы выполнить свое

намерение: выдать себя за белую. Гермiona не собиралась давать ей свое благословение, а, напротив, рассчитывала, что заставит дочь отказаться от опасной игры, которую та затеяла.

От того, кто победит, мать или дочь, должно было зависеть все будущее их потомков.

— Берегись, девочка моя, берегись, не совершай неправимого! — сурово проговорила старуха, когда Женевьева наклонилась, чтобы поднять ее с кресла и отвести в постель.

— Неправимого, матушка?

— Если ты это сделаешь, тебе всю жизнь придется лгать и скрываться...

Гермиона высвободилась из рук дочери и ухватилась за подлокотники кресла.

— ...переехать в другой город, изменить привычки, манеру говорить, образ мыслей.

Ее металлический голос делался пронзительным. Она захлебывалась, слова звучали отрывисто. Гермiona на мгновение умолкла, чтобы отдышаться.

— А мне, встретившись с тобой на улице, придется делать вид, будто я тебя не узнала — ни взглянуть, ни заговорить. Я уж молчу о том, чтобы прикоснуться к тебе или близко подойти к одному из моих внуков.

Женевьева, не удержавшись, ее перебила:

— Почему?

Мать продолжила медленнее, с нарочитым спокойствием:

— Потому что нельзя, чтобы кто-то раскрыл твой секрет. Ни белые. Ни мы. Вообще никто и никогда... Если ты это сделаешь, тебе придется порвать с твоим прошлым. Порвать с людьми, которых ты любишь, с братьями, с дядьями, со своим кварталом... Если ты это сделаешь, никто из нас не сможет нигде тебя навестить. Если ты это сделаешь, мы больше не увидимся.

— Но почему? — снова воскликнула Женестьева.

— Потому что если один из нас выдаст твоё происхождение мелкой оплошностью, свойственным нам словом, шуткой или песней нашего народа, а то и цветом своей кожи...

Старуха с трудом дышала. Она сделала паузу, подбирая слова: старалась говорить бесстрастно.

— Твоя сестра вышла за черного мужчину. У Моцарта и Беллини черные жены. Их дети, твои племянники, — темнокожие мулаты с курчавыми волосами. Если они придут к тебе в гости, в белый квартал, в дом, где живут белые, тебя немедленно разоблачат, арестуют и осудят. Двадцать лет заключения... И это в лучшем случае! Готовься, Женестьева: тебе придется ломать комедию до конца.

— А как без этого выживать? — голос Женестьева упал до шепота. — Рик нас...

— Пошел он к черту! — оборвала ее Гермiona.

— Он не вернется. Видела бы ты, как он ухватился за эту должность на краю света!

— Да ну его, твоего мужа, вы можете вернуться в Джорджтаун.